

состояние управленческой мысли позволяет говорить о наполнении управленческой деятельности гуманистическим содержанием. Усиление, развитие этой тенденции в управлении может постепенно превратить ее в деятельность, способствующую осуществлению смыслов человеческой жизни, т. е. в продуктивно-творческую деятельность.

Т. М. Ефремова
Ишим

ДУХОВНАЯ ЦЕННОСТЬ ФИЛОСОФИИ В РОССИИ

Сегодня мы живем в новой, неведомой России, которая даже не может понять, что с ней происходит, гибнет она или возрождается. Кипят и бушуют страсти в крупных городах, безмолвствует, влача нищенское существование, провинция, особенно деревня. Страдают, гибнут и эмигрируют люди, удивляя весь мир своим бесконечным и бескорыстным терпением ради очередной отвлеченной идеи. Великий и великодушный народ готов на новые жертвы и приносит их в угоду новым социальным экспериментам, подтверждая характеристику русской души, данную русскими религиозными философами конца XIX — начала XX в. Основное содержание русской души, — религиозность; искание абсолютного добра; аскетизм; способность нести страдания и жертвы ради своей веры; устремленность к трансцендентному, которое относится то к вечности, к иному миру, то к будущему, к этому миру; способность переключать религиозную энергию на нерелигиозные объекты, например, на социальные цели (См.: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 9).

Какая старина и новизна одновременно сливаются в этой характеристике. Читая такие бессмертные произведения русских философов, как “Оправдание добра” В. Соловьева, “Истоки и смысл русского коммунизма” Н. А. Бердяева, “Характер русского народа” Н. О. Лосского и др., понимаешь, что это и есть непоколебимая и сокровенная основа нашей духовности.

Каждый человек есть троичное единство тела, души и духа, а каждый народ, подобно этому, есть единство национальной природы (Космоса, тела), национального характера (Души) и склада мышления (Духа, Логоса). Национальная природа, тело России, так велико и необъятно, а народ ее так малочислен в сравнении с этими просторами, что возникает противоречие между душой народа и духом, мыслью народа. Психика русско-

го человека, согласно его национальному Космосу, замедленная. Но русские государи, начиная с Петра I и кончая М. С. Горбачевым, все время гонят страну в ускорение, мучая ее. Сейчас хоть и отпал лозунг “ускорение”, но смысл остался тот же. Современные модернизаторы России собираются заимствовать новейшие социальные формы,— рыночная экономика, парламентаризм, демократия, правовое государство и т. п., которые не являются культурно нейтральными социальными технологиями, безразличными к менталитету. Они внутренне присущи западноевропейской культуре (См.: Панарин А. С. Процессы модернизации и менталитет//Вопр. филос. 1994. № 1. С. 35.).

Специфика русской души или российской ментальности не может быть сведена ни к европейской только, ни к евразийской только. Она есть особый феномен, который все западное и все азиатское переплавляет для себя.

Бердяев подметил состояние раскола в духовной жизни России, которое началось с религиозного раскола XVII в., которое было унаследовано русской интеллигенцией XIX в., а затем и XX в. Опыт раскола — страшный, он начинается с культурного слоя, с духовной жизни и охватывает весь народ.

Осталась ли на сегодняшний день русская душа после всех энергичных воздействий XX в.? В какой мере современный русский национальный характер соответствует характеристике, данной ему в трудах Бердяева, Лосского, Франка и др.? В какой мере русская философия XIX—XX в. соответствует нуждам современной России?

Первые два вопроса чисто риторические. Сам размах послеperестроечных мероприятий, ошибок и бед свидетельствует о том, что жива и живуча русская душа с ее неразрешимыми внутренними противоречиями. Разобраться в русской душе или ментальности, в ее сокровенных интенциях, структурировать, провести субординацию ценностей поможет в первую очередь русская национальная философия.

Нашим же национальным наваждением, от которого мы страдаем, является невнимание к русской философии, нежелание признать ее идентичность нашей ментальности. Смысл нашего отношения к своей философии состоит не в том, чтобы найти черты ее превосходства над остальными типами философствования, а в том, чтобы она стала ближе, роднее, милее и любимее; в ответственности за ее судьбу, ее выживание, чтобы не потерять свою культуру, свое национальное самосознание и не превратиться из народа в население, в демографический материал (См.: Кувакин В. А. Русская философия как область изучения и духовная ценность//Филос. науки. 1989. № 8. С. 63).

Центральный мировоззренческий вопрос, на который должна ответить философия — это вопрос о цели и смысле нашей жизни. Этот вопрос прежде всего личный, но и глубоко общественный. Жить без высших духовных начал, без ответа на этот фундаментальный вопрос, невыносимо как для личности, так и для целого общества. Каждое новое поколение должно получить от предыдущих ориентир, который носил бы глобальный мировоззренческий характер. В противном случае последствия могут быть самыми трагичными.

Проблема смысла жизни для В. Соловьева есть предмет научного исследования, логика которого не допускает решения его вне религиозного контекста. По содержанию нравственная философия находится в тесной связи с религией, а по способу исследования — с теоретической философией, сохраняя при этом собственное содержание и самостоятельное значение. Важнейшим и ключевым является понятие абсолютного добра, которому противостоит нравственный аморфизм. Абсолютное добро доступно нам через нашу совесть и разум, которые свободны от ограниченности личного и коллективного себялюбия.

Фундаментом нравственной философии В. Соловьева является понятие “полнота бытия”, которое реализуется или самоосуществляется через “всеединство” (См.: Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч. Т. 2. М., 1988. С. 552). Смысл бытию придает добровольное служение Добру, — чистому, всестороннему и всесильному. Распознать, различить Добро помогают три фундаментальных нравственных чувства, которые есть в каждом человеке и с помощью которых каждый сможет ориентироваться — Стыд, Жалость и Благоговение. Стыд помогает различить низшее в нас, нашу животность. Развитый стыд — это Совесть. Жалость означает солидарность со всеми живущими, признание за ними равных прав на счастье. Благоговение или Благочестие — это признание над собой высших авторитетов, это чувство слияния со своим народом, своей культурой, предками, правительством, Богом, т. е. это глубоко религиозное чувство. Только сплав этих чувств воедино в душе отдельного человека дает шанс не сбиться с пути. Важно при этом знать направленность путей добра: аскетически строгое отношение к низшему в себе, альтруистически-милосердное отношение к слабостям других, религиозное, благоговейное отношение к высшему в себе.

Нет никаких сомнений в том, что русская религиозная философия нуждается в реабилитации не только в качестве элемента нашей истории и культуры, но и в качестве недостающего звена в нашем сегодняшнем общественном сознании.

Необходимо дать возможность русской религиозной философии сделать то, чего она не смогла сделать в начале века: защитить Россию от марксизма и от упрощенного восприятия действительности. Есть надежда, что с помощью русской философии XIX — нач. XX в. можно будет преодолеть раскол в общественном сознании.

В. И. Копалов
Екатеринбург

СПЕЦИФИКА СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИОСОФИИ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

В этом году исполняется 175 лет со дня рождения выдающегося русского мыслителя Н. Я. Данилевского. Будучи биологом по образованию и профессии, Данилевский получил широкую известность в связи с выходом в свет его книги “Россия и Европа”, где ясно прослеживается влияние реформы 1861 г., которая оказала мощное воздействие на развитие внутривнутриполитических отношений и на духовную жизнь русского народа.

По своему замыслу и исполнению книга Данилевского чрезвычайно многопланова: анализ исторического и культурного развития Европы и России, Восточный вопрос и возможные варианты его решения, перспективы создания Всеславянской федерации, своеобразие славянского культурно-исторического типа, и конечно, создание универсальной философско-исторической концепции. Но главной темой книги является судьба России, идея патриотизма и развития русского национального самосознания, идея консолидации славянских народов. Из этого многообразия тем и сюжетов я хочу обратить внимание на обоснование Данилевским сущности и своеобразия славянской культуры в ее сравнении с культурой романо-германских народов.

Основой историософской концепции Данилевского является учение о культурно-исторических типах. По его мнению, традиционная периодизация истории, заключающая в себе древнюю, среднюю и новую историю, является слишком прямолинейной и искусственной. К тому же она отягощена грузом европоцентризма, с точки зрения которого “судьба Европы, или романо-германского племени, были отождествлены с судьбами всего человечества”. Данилевский предложил принципиально иной подход. Естественная система истории, прообраз которой он находит в развитии научного знания, “должна заключаться